

Тулкынара

Умарова

доцент Западно-Казахстанского
университета им. М. Утемисова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ ЖУБАНА МОЛДАГАЛИЕВА

К 100-летию со дня рождения

Жубан Молдагалиев – один из ярких представителей казахской поэзии XX века, чья молодость и становление личности проходили в годы Великой Отечественной войны. На фронте он был рядовым бойцом, затем заместителем политрука, комиссаром артиллерийской батареи. С июля 1942 года по май 1944-го служил переводчиком с казахского языка, а с мая 1944-го – корреспондентом-организатором выходившей на казахском языке газеты «Фронтная правда» 2-го Белорусского фронта.

За пятьдесят лет работы в литературе Молдагалиев написал сотни лирических стихов, полтора десятка поэм, среди которых такие значительные, этапные вещи, как «Песнь о песне», «Я – казах», «Орлиная степь» и «Сель». За последние две поэмы ему присуждена Государственная премия СССР (1978). Его книга «Разбивший оковы» удостоена Государственной премии Казахской ССР им. Абая (1970). Ж. Молдагалиев переводил на казахский язык произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Назыма Хикмета, стихи русских поэтов XX века. Произведения самого поэта переведены на многие языки народов СНГ и зарубежных стран.

Современный читатель знаком больше с лирикой поэта, освещающей историю родного народа, в частности, с его знаменитой, ставшей классикой поэмой «Мен казакпын» («Я – казах»), где автор отстаивает право родного народа на его богатую многовековую историю, культуру, сохранившуюся большей частью изустно и потому мало известную иноязычному читателю. В этом произведении поэт впервые заговорил о родном народе, обращаясь к читателям иных культур. Автор поясняет: «...Национальность – казах. При царизме игнорировались не только наши политические права, но и наша история, имя нашей нации. нас пренебрежительно называли киргизами, не признавая и тех, кто по праву носит это название, хотя наши родовые братья – киргизы – сами по себе являлись самостоятельным и древним народом».

Лирический герой поэмы в прямом монологе, обращенном к читателю, говорит о судьбе народа, пережившего в своей истории трагические моменты, но не потерявшего способности радоваться жизни.

Когда звучит «Я – казах», то слышится многоголосие:

«*Мен – қазақпын, ажалсыз анамын мен...*» – голос бессмертной матери, способной подарить жизнь.

«*Пәк сәбимін бесікте уілдеген, / Дәуірлермен құрдасын, данамын мен...*» – голос младенца из колыбели – ровесника эпохи, смышленного с младых ногтей.

«*Мен – жігітпін, айқасқа, сынға асықпын. / Жүрегі бар кеудемде шын ғашықтың*» – голос жигита-батыра, имеющего любящее сердце и защищающего родную землю.

«*Мен – қара көз сұлумын, сайтан қызбын / Сайрай қалсам, тілімнен бал тамғыздым, / Сүйер болсам, өмірдей өле сүйдім, / Қас батырмын қайрасқан балтам жүзін*» – голос черноокой красавицы-казашки, владеющей образной речью и умеющей любить беззаветно и преданно и не уступающей по смелости жигиту.

Лирический герой держит слово перед русским императором в защиту уникальности и самодостаточности своего смелого, талантливого народа, имеющего много схожего с братским народом – киргизами. По словам повествователя, казахи – гостеприимные люди. Они ценят духовное превыше материального: песню, поэзию, «*екі тілден тояды бал аңызға*» (богатство, выразительность, образность легенд двух народов подобны для него сладости меда. – Г. У.). Зная два языка, казах наслаждается звучанием на любом из них легенд, поэм, а самым дорогим подарком гостя ему считает незнакомую песню.

В доказательство высокой роли поэзии в жизни казахов, о которой говорит Жубан Молдағалиев, мы можем привести слова В. И. Даля, удивленного и восхищенного поэтическим даром сказителя Саната, в течение нескольких дней рассказывавшего по памяти поэму о Чур-батыре (*Даль В. И. Письма к друзьям... // Русский архив. 1867. № 3. С. 429–430*). Русский писатель отмечает поэтичность мудрого казахского эпоса, передающего национальный характер и психологию народа. Даль задается вопросом, откуда же берется в народной поэзии «безотчетное стремление нескольких поколений к одному призраку, и каким образом... то, что думали и чувствовали в продолжение десятков и сотен лет целые народы, племена и поколения, оживает в слове, воплощается в слове одного, и снова развивается в толпе и делается достоянием народа». Этнографу это кажется загадкой. Услышанное от Саната Даль уподобляет «хору древних греков», называет «первым залогом бессмертия».

Казахский народ, по мысли лирического героя Жубана Молдағалиева, добродушен и приветлив, открыт, умеет дружить со всеми, кто ему симпатичен. Он рассказывает историю о сильной, всеобъемлющей любви русской девушки Мариам и жигита Дудара.

Повествует лирический герой и о народном восстании, доказывающем отвагу и смелость простых людей. Его родной край славен именами Пугачева, заступника и борца против царя, и отважного казаха Исатая, осмелившегося пойти вместе с сородичами против хана.

Герой восхищен стремлением казахов дружить с другими народами, выступая рупором взглядов самого автора. Жубан Молдағалиев, рассуждая о своем творчестве, писал, что не мыслит нацию свою без братства с народами всей страны – Советского Союза. Это чувство братства поэт стремился утверждать «всей своей гражданской биографией, всем своим почти полувековым творчеством», считал

его своей верой. Об этом мы будем говорить, обращаясь к военной лирике поэта, почти не исследованной сегодня.

Самой горячей мечтой Молдагалиева было, чтобы его соотечественников мир узнавал «не только по характерным чертам лица, но и по звукам родного языка, по удивительной музыке абаевской поэзии...». Особенность истинно казахской лирики Ж. Молдагалиева, отмечает отечественный литературовед Муслим Базарбаев, в том, что она раздолжна, «как сама степь», что вобрала в себя «шум весенних вод, дыхание ветров и щедрость зелени».

Поэмы и стихи, написанные много лет назад, наполнены любовью к родине, болью за судьбу родного народа и звучат как лирико-философское обращение поэта к будущему. Страстным, гордым призывом лучшего будущего заряжены свободолобивые строки его поэмы «Я – казах!».

Истоки любви поэта к родной земле мы найдем в его стихах, обращенных к матери. По словам самого поэта, он состоялся благодаря матери (отец рано ушел из жизни), которая, оставшись одна, сумела не только воспитать сына, но и «заразить» привязанностью к поэзии, народной песне, эпосу. В автобиографии, написанной в форме стихотворения, – «Анкетам қосымша» («Приложение к анкете») поэт пишет о том, что родился в Уральской

области, в местечке Жыланды. По казахской традиции, при рождении ребенка полагается проводить байгу, кыз-куу, устраивать той-празднество для всех родичей, соседей, резать для угощения коня, баранов. Но малыш появился на свет в голодный год: у семьи даже барана не оказалось отметить рождение последнего сына. До него голод унес трех детей в семье. После рождения Жубана, чье полное имя звучало как Жұбаныш – Утешение, умер его отец Молдагали.

Мать поэта звали Зерип. Это имя часто звучит в стихотворениях Жубана: поэт характеризует ее как «*әйелдің алдияры, ақсұңқары*» – мужественную, волевою, самоотверженную и талантливую женщину, привившую сыну любовь к народной поэзии, к поэтическому языку, сумевшую передать свой талант. Образ Айши, героини поэмы «Судьба вдовы», наделен чертами матери поэта, тоже оставшейся с четырьмя детьми. Ей пришлось сполна испытать трудности и лишения вдовьей доли.

Не одно поэтическое произведение посвящено образу матери и в военной поэзии Молдагалиева. Заклинанием звучат обращенные к ней строки: «*Сыну мать / Раскрывает объятия: / Мне свинец и огонь не страшны!*» К постаревшей матери, тоскующей в ожидании сына с войны, поэт обращается в цикле стихотворений «Из фронтовых писем», используя эпитеты: «*родная*», «*мать седая*», «*старушка добрая моя*». В стихотворении «Благословение матери» создан собирательный образ – всех матерей, что ждут сыновей с фронта, с полей сражений. Героиня благословляет чужого сына на то, чтобы он вернулся с победой и тем самым придал силу всем матерям, живущим в тревоге за сыновей.

Уже состоявшемуся человеку, отцу собственных детей мать является во сне в другом стихотворении – «*Түсімде көрдім, анажан...*» («Ты снилась мне, мама...»). Жизнь сына невидимыми нитями связана с ней, с ее духом. В стихотворении «Разговор о любви», помимо любви к женщине, к родине, говорится о нежной материнской любви, подобной заботе «малых птах» о своих птенцах.

Среди вечных тем, к которым обращается казахский поэт, – роль гения в истории человечества, в судьбах своего народа. С этой точки зрения Жубана Молдагалиева интересует образ классика русской литературы А. С. Пушкина, в чье творчество он погружается, переводя его стихи. Цикл стихотворений «Пушкинді көрген бұл жерлер» («На земле Пушкина») создан на основе впечатлений, полученных после посещения пушкинских мест. Это стихи «Михайловское», «Святогорский монастырь», «Памятный камень».

По мысли Ж. Молдагалиева, неизвестное Михайловское в «Мекку поэзии» превратил русский классик. Поэт размышляет об изменчивости истории, бренности человеческой жизни, обретающей вечность в творениях гения: может исчезнуть всё живое, но навечно остается память о творце в памяти народной. Так и гений Пушкина превратил село Михайловское в историческое место русской культуры: здесь расцвел талант поэта, который осмелился в свой жестокий век заговорить о свободе. Память о Пушкине хранит окружающая природа, ее пробуждает родник, дремучий лес, лежащие окрест холмы. Все поэты, поклонники поэзии из разных концов мира стараются побывать в Михайловском, отдать дань памяти соловью русской поэзии, считает автор стихотворения.

«Святогорск монастыры» («Святогорский монастырь») (1977) – так назвал Ж. Молдагалиев второе стихотворение цикла. Из биографии Пушкина известно, что этот монастырь сыграл немаловажную роль в жизни поэта, сосланного в имение отца в 1824–1826 годы. При монастыре была богатая библиотека, которую посещал поэт, наладивший дружеские отношения с служителями обители и ее настоятелем – игуменом Ионой. При монастыре устраивались ярмарки, где Пушкин близко наблюдал народный быт, обычаи, культуру, питавшие его творчество.

Ж. Молдагалиев, человек своей эпохи, был атеистом, ни в какие храмы не ходил, полагая, как и миллионы его современников, что религия – опиум для народа. Но Святогорский монастырь воспринимал как место святое, поскольку он имел отношение к гению Пушкина: «*Шырмалап әрі алдаған, / Әрі улаған / Шеркеуден не шағат табулы адам? / Ал мына монастырьға / Жылыды ішім / Ақ жуып ұлы ақынды, арулаған*».

Казахский акын испытывает чувство благодарности к Святогорскому монастырю – месту захоронения поэта, последнему приюту Александра Пушкина. Сам фронтовик, Ж. Молдагалиев размышляет и над тем, как монастырь уцелел в дни осады фашистами во время Великой Отечественной войны. По мысли поэта, от полного разрушения его спас гений Пушкина.

Третье произведение цикла «Анна Керн сүрінген тас...» («Памятный камень»). Поводом для создания стихотворения, занимающего объем в три раза больше двух предыдущих, стал для Молдагалиева увиденный на столе в кабинете Пушкина камень. По легенде, Анна Керн, которой посвящено знаменитое «Я помню чудное мгновенье...», споткнулась об этот камень, когда шла на прощальное свидание с поэтом. Молдагалиев создает стихотворение в жанре послания Анне Керн. Он уверен, что не природа и не Всевышний сделали ее музой, сохранили ее имя в истории, но поэтический дар Пушкина, восславившего красоту этой женщины: «Әйелге сұлулықты Ақын тартты, / Тәнір де, табиғат та тарта алмаған». Образ Керн у казахского поэта носит обобщенный характер – автор обращается к женщинам, чьи имена стали достоянием мировой литературы, символом любви благодаря возвысившему их таланту поэтов.

В послании Ж. Молдагалиева душа Керн ассоциируется с камнем. Ведь, как говорят, Анна даже не посетила могилу поэта, не положила в знак благодарности цветы... В конце стихотворения автор, защищающий честь гения, просит прощения у Керн, у всех воспетых в поэзии женщин, если был предвзят к ним. Просит прощения он и у духа Пушкина, что вполне соответствует картине мира казахского народа, верящего в вечный дух, аруах умершего.

Женщина, по убеждению Молдагалиева, всегда должна оставаться на духовной высоте, являясь матерью, красавицей, она должна вдохновлять мужчину на подвиги: «Сендерсіз – ақынның тұл аруағы. / Өздерің – анасы әрі, аруы әрі. / Сендердің көздеріңмен өлшенеді, / Ерлік пен еркектіктің ары да әлі». Случай же с Керн, считает казахский поэт, послужил поводом «джигиту Пушкину стихами / ...высоты покорять и впрдь». А камень, о который споткнулась Анна Керн, до сих пор разбивает крепкие мужские сердца, как когда-то разбил пушкинское, подытоживает казахский акын.

Образ Пушкина присутствует и в поэме Ж. Молдагалиева «Мен қазақпын» («Я – казах»). Лирический герой рассказывает, как Пушкин побывал в его родных краях, где впервые услышал эпос о любви Козы-Корпеша и Баян-Сулу и проникся культурой казахов. Как полагает автор поэмы, русский гений услышал в чужой культуре созвучие своим душевным порывам, заметив схожесть казахской красавицы с его Татьяной: «Сұлу Баян, – деді ол – Татьянам, / Татьяна – қазақтың Ақбаяны».

Родные поэту Акжайык, Тайпак, Уленты воспеты во многих произведениях тридцати сборников Ж. Молдагалиева. Малая родина, образы которой сопровождали поэта всю его творческую жизнь, явились поддержкой ему и в трагические дни Отечественной войны.

Художественным памятником родному Жайыку, милой родине, вызывающей в сердце щемящее чувство тоски по детству, по волнам родной реки, где в мирное время он ловил серебристую рыбешку, можно назвать стихотворение «Сағындым Жайық» («Тоскую по тебе, Жайық»): «Есінде жүрдің, Жайық, ерлеріңнің /

Шапқанда атакаға сан “уралап”. / Сонда біз сен үшін де соғысқанбыз, / Ұшынан итықтардың қан сорғалап» (1944). Поэт обращается к родному Жайықу, признаваясь в любви к нему. Эта любовь к родной земле, к родной реке шла вместе с ним в бою на острие его штыка.

Образ родной стороны сопровождает поэта ежедневно во все военные годы, и когда на чужой стороне поляки по этикету обращаются к нему «пан офицер», лирическому герою не достаёт родного слова-обращения «товарищ». Думы о родине не покинули бы его, даже если бы он не стал поэтом, пишет Ж. Молдагалиев, – им всегда движет любовь к родной земле («Туған елді жырлаймын» – «Пою свою Родину», 1945).

Находясь в Европе, борясь с фашизмом, он гордится тем, что является сыном казахского народа: «“Қазақтың ұлымын” деп Европада, / Мен сені көкірегіме қысып өткем». В стихотворении «Менің халқым» («Мой народ») отзвуком нелегкой судьбы родного народа у поэта возникает мечта о том времени, когда его отважный народ прославится науками.

Военная лирика Молдагалиева особенно убедительна, потому что о трагических событиях войны говорит непосредственный их участник, пропуская их через свое личное восприятие. Так написан цикл стихотворений «Жауңгер хаттарынан» («Из писем фронтовика»), состоящий из трех стихотворений-посланий.

Первое, написанное в 1942 году, говорит о том, что лирический герой еще не успел жениться, но послание адресовано черноокой красавице, фотографию которой он носит с собой. Герой сообщает, что жив-здоров и надеется вернуться домой. Письмо будто написано впопыхах, на скорую руку, под звуки выстрелов: «Аманбын әзірге ауры-жарадан да. / Кім білсің, елге солай бара алам ба?...» Даже среди огня воин пытается сохранить надежду на лучшее: «Бәлкім, бұл ақырғы хат болуы да, / Кезігіп қалсам ажал торуына. / Әйтседе де “жақсы лепес – / жарым ырыс”, / Сенемін жақсылыққа жоруына...» Молдагалиевский герой-казах в соответствии с народным миропониманием хранит в душе веру, что если человек думает только о хорошем, то в пути его сопровождает светлое.

Второе послание «Көргендей бол өзімді...» («Представь, что ты свиделась со мной...») написано с кровавого поля битвы, что ведется ради свободы родной страны. Герой просит любимую не обижаться, если письмо дойдет до нее засаленное, пропитанное потом, и предлагает прочитать его подругам, ребятам, чтобы те могли увидеть, как подобает любить друг друга в годину испытаний девушке и жигиту. Поэт использует в письме сравнение «сарғайып», свое состояние тоски называет «серая бумага, серая тоска».

Третье стихотворение – «Күйғытып аспан көгінде...» («Пари под небом голубым...») адресовано матери, ждущей сына-солдата. Послание начинается с обращения к письму, как к птице, парящей под небом голубым, – чтобы долетело оно до родного ему сердца, до его родной земли, донесло его аманат. Фронтовик просит письмо сохранить его тепло, ласку и утешить мать прикосновением-поцелуем, дать ей надежду на скорую встречу. Тогда, думает солдат, мать накроет дастархан и усадит, по народному обычаю, того, кто принес добрую весть, на тор – самое почетное место в доме («төріне сені қояды, / Боласың құтты қонағы»). Герой просит письмо отнести в родные края рассказ о мужестве солдат, их мести врагам за страдания родной земли.

Вместе с темой неразрывной связи солдатского сердца с родной землей в военной лирике Ж. Молдагалиева открыто звучит тема справедливого возмездия, наступающего лютого врага, вторгшегося на мирную советскую землю. Жестокую картину войны изобразил Ж. Молдагалиев в стихотворении «Кек соты» («Суд мести»). Произведение начинается с описания мирной картины села, где играют пятеро мальчишек, когда внезапно над ними возникает рев самолета. Мальчишки с любопытством наблюдают за небом, не сразу поняв, что это фашистский самолет летит бомбить мирное селение. И летчик обрушивает на детей смертоносное железо. Страшную картину ранения и гибели ребенка описывает поэт. Свидетелю этих событий, лирическому герою показалось, что умирающий мальчик вымолвил перед смертью: «Я ни в чем не виноват, мама». И тут очевидцы трагедии видят подлетающий советский самолет. «Наш! Наш!» – наполнилось криком село. Самолет с красной звездой вступил в бой, словно мстя за умирающего мальчика. «Давай еще!» – радуются дети. Будто услышав их крики, советский летчик настигает вражеский самолет и превращает его в столб огня и дыма. Справедливая месть за гибель ребенка свершилась, люди убедились в постигшей врага каре: «*Көрді жүрт кек сотын, / Көрген жоқ бір бала*». Поэтическая антитеза усугубляет трагедию людей: «көрді жүрт – көрген жоқ бір бала». В этом стихотворении звучит мотив осуждения войны как античеловеческого явления.

Тему мести продолжает стихотворение «Кектің өрті» («Огонь мести»). На основе ассоциации физического явления – огня пожара с чувством мести, накопленным и пылающим в душах людей разных народов, объединенных ненавистью к фашизму, поэт создает картину пожара в последний день войны в немецком городе Найденбурге. Он пишет, что услышал этот рассказ от черноусого солдата-казаха, который при виде горящего немецкого города воскликнул, что наконец-то они отомстили фашистам за убитых друзей, за страдания стариков и осиротевших детей, за лежащие в руинах советские города, за горе миллионов невинных людей.

Справедливость наступающего врага возмездия неразрывно связана с проявлением беззаветного героизма людей, отстаивающих свою землю. Старшему лейтенанту Куанышу Таскараеву посвятил Ж. Молдагалиев стихотворение «Командир». Герой понимает, что враг, утопающий в крови, не собирается сдаваться, нещадно начиняя и взрывая многострадальную землю минами. Сцену военных действий поэт создает с помощью ярких сравнений: «*всё в дыму, словно ночь свалилась на землю, от того, что день охрип от кононад*». В этой охрипшей кромешной мгле Куаныш, мстя за поруганную землю, поднял солдат в атаку криком «Вперед!», чтобы осилить врага. Для автора важны мысли героя, которого мучают вопросы, как остановить беспощадного врага, он описывает психологизм поступка героя, проявление его самосознания, показывает массовый героизм защитников родины.

Трагедийно звучит повествование о судьбе погибшего друга, вместе с которым герой отстреливался в окопах, в стихотворении «Қан басқан қағаз» («Письмо, пропитанное кровью»). Повествование окрашено чувством острейшего переживания невозвратной утраты однополчанина, оставившего аманат – письмо любимой, завернутое в платок, подаренный ему возлюбленной. Перед смертью солдат завещал забрать это письмо из его нагрудного кармана. Слова умираю-

щего солдата, что он готов отдать жизнь свою за родину и просит считать его коммунистом, – это слова человека, не только свято верящего в идеалы своей страны, но кровно связанного со своей землей, воюющего за свой родной очаг, за своих любимых.

Предельно ясно и четко излагает Молдагалиев желание солдат скорее идти в бой. Они считают минуты в ожидании атаки и тщательно готовят боевое оружие («Атака», 1943), ведь атака – это путь к победе, это судьба и надежда солдата. Описание ощущений героя создает глубоко психологический образ.

Очень личное, интимное начало звучит в стихотворении-исповеди «Солдат сыры» («Секреты солдата») (1944). Молодой человек вспоминает о встрече с любимой у реки Жайык, где при лунном свете раскачивается на волнах реки лодка с парой влюбленных, овеваемых ласковым ветерком. В этот вечер последней встречи они делились друг с другом секретами. Теперь верная подруга, ожидающая солдата с фронта, просит его вернуться живым.

Казахские мужчины немногословны, что мы видим и в произведениях Ж. Молдагалиева, который очень кратко, скромно выражает свои чувства. На фронте поэта посещают мысли о вечности его родной земли, на защиту которой встал народ. Но и чувства жигита к любимой, столь же немногословно выраженные, – одна из вечных жизненных ценностей. На письмо любимой, которая пишет, что он все больше отдаляется от нее, воюя против фашизма в других странах, он отвечает, что дальнейшее расстояние еще больше сближает их двоих. Стихотворение «Солдат сыры» можно считать лирическим воспеванием женской преданности в любви и отваги в ожидании солдата-фронтовика.

О черноокой красавице казашке, встретившейся поэту на фронте, повествуется в стихотворениях «Қарақат көз қарындас» (1944), «Жауынгер қызға» (1945). Сраженный ее красотой, смелостью, отвагой, лирический герой не смеет признаться в любви. Секрет в том, что она – его однополчанин, фронтовик, а он хранит верность далекой возлюбленной.

Войну Молдагалиев изображает не только через судьбы людей, но и через предметы, имеющие важное значение для фронтовика Великой Отечественной войны. Так, поэт посвящает стихотворение Красному знамени («Қызыл ту»), как символу, имеющему цвет крови погибших солдат, как знаку чести и отваги, ведущему на бессмертный бой. Если развернут красный флаг, солдат воспаряет душой на любой подвиг подобно сильному орлу («Құрат бұркіт шағым бар»).

К философскому рассуждению о сути отваги, мужества приходит Молдагалиев при виде обставленного мебелью немецкого дома, брошенного убежавшим в панике хозяином («Сырлы жиһаз» – «Секретная мебель», 1945). Спасаясь от стремительно наступающих советских войск, хозяин оставил даже накрытый разными яствами богатый стол. Увиденная картина будит в авторе думы о том, что даже защита мебели, нажитого добра требует отваги.

В военных стихах Ж. Молдагалиева звучат и мирные темы – всё то, чем жив человек и чем спасается его душа на войне. Тонким казахским национальным юмором окрашено стихотворение «Латыш қызына» («Латышской девушке»). В сильную жару фронтовые дороги привели солдат в латышское село. Лирическому герою дает воду местный житель, у которого при встрече с освободителями

глаза увлажняются. Солдат-казах успокаивает растроганного латыша, говоря, что, возможно, спустя годы они могут стать не только друзьями, но и сватами, если сын казаха засватает его дочь. Автор акцентирует здесь внимание на одном из характерных качеств казахов: находить себе где бы то ни было родственников или родственные души.

В стихотворении «Ән» («Песня») поэт описывает остро пережитое им чувство, когда однажды в предвечерней минутной фронтовой тишине услышал родную песню. Удивительная по силе воздействия лирическая песня, начатая кем-то на казахском языке, пронзила воздух, заглушая пушечные выстрелы. Появившись неожиданно, воспарившая над окопами песня заставила восхищенно прислушиваться к себе многих бойцов – русских, татар... *«Тұрғанда шықты шырқап әуезді ән, / Зымыран, көтеріліп зеңгер көкке. / Ауаның толқынымен араласып, / Асқақтап әсерлі үні асып-тасып, / Әсем ән әркімді де аң-таң етіп, / Гүрсілін зеңбіректің кетті басып»*. В этой песне рассказывалось о несчастной любви – чарующий голос певца передавал горечь потери любимой. Солдат пел песню талантливейшего акына, композитора Акан Серэ Корамсаулы. Песня, казалось поэту, зарядила фронтовиков на очередную атаку с врагом, пролагая им путь к победе.

В другом стихотворении («Соқ сағатым» – «Не останавливайтесь, мои часы...»), (1945) поэт художественно описал случайный разговор с поляком, с которым они сверяли часы. На просьбу иностранца сообщить ему время советский офицер сказал, что время у него московское. Само сочетание слов «московское время» всколыхнуло в авторе, находящемся на фронте, далеко от Родины, чувство сопричастности к судьбе Отечества.

Чем ближе победа, тем явственнее в лирике поэта-фронтовика тема возмездия сменяется темой безвозвратных утрат и памяти павшим на полях сражений друзьям, боевых товарищам. Как память о солдате, заплатившем своей кровью за величайшую победу, воспринял поэт памятник воину-победителю в Польше («Ескерткіш» – «Памятник», 1945). Памятник этот, по мнению автора, олицетворяет любовь к нему освобожденного народа, которая с этих победных дней будет отныне жить в веках.

Особое место в военной лирике Ж. Молдагалиева занимает и произведение «Әлия» – о Герое Советского Союза Алие Молдагуловой, ставшее реквиемом девушкам, погибшим на войне.

Былинной масштабностью отличается «Батыр туралы баллада» – «Баллада о батыре», рассказывающая о подвиге Героя Советского Союза по имени Әділ (с казахского языка его имя переводится как «честь». – Г. У.). В соответствии со своим именем он с честью прошел всю войну, девять раз был смертельно ранен, но, как сказочный богатырь, всякий раз вставал на ноги, вновь возвращаясь в боевой строй. Поэт использует красный цвет при описании раненого героя: его партийного билета, окровавленной гимнастерки, которую солдат использует вместо красного знамени – символа отваги, чтобы идти против врага.

Продолжая тему памяти о Великой Отечественной, Молдагалиев рассказывает о последних днях войны в стихотворении «Ер қабірі» («Могила героя»). Автор стал свидетелем того, как у берегов «Одера, седого Одера», у дороги среди густых лесов сидел возле небольшого холмика печальный пожилой боец. Поэт решает выяснить, кого же похоронил здесь седой солдат. Оказалось, солдат навестил

могилу своего боевого друга, к которой не раз возвращался, а теперь пришел с цветами перед отправлением домой. В последний раз поэт видел солдата в кругу поляков, тоже принесших цветы. Так Ж. Молдагалиев раскрывает тему суровой памяти об оставшихся на поле боя участниках боевых действий.

Тема памяти и долга перед павшими на полях сражений в годы Великой Отечественной войны набатом звучит в военной лирике Ж. Молдагалиева, трогая сердца читателей и в наши дни. Поэт-казах, непосредственный свидетель и участник тех трагических событий, художественно осмысливает долгие четыре года войны, кровопролитные бои, неисчислимые жертвы и Великую Победу над фашизмом. В военной поэзии Молдагалиева события показаны с позиции не только его национального мира, но и общечеловеческого.

Многоликий художественный мир лирики Ж. Молдагалиева, созданной им на родном языке, отражает не только его видение родной культуры и своей эпохи, но и осмысление им общечеловеческих философских вопросов. Талант поэта, тонко чувствующего грани бытия, оказывается вне времени.

